

Старообрядческая династия Морозовых обосновалась в Москве на Патриарших прудах ещё в 16 веке: и едва ли кто прославился из неё так, как Савва...

Мощно низвергался он в реальность, меняя её струи, обращая определённые потоки в свою выгоду, и, окружённый знаменитыми художниками (в широком смысле слова), меценатствовал, ворочал делами, вкладывался в революцию...

Тут контраст: неужели такой хваткий, цепкий, хитрый человек не осознавал, что будет она гибельна для него?

Вероятно, мир, в котором он... почти царствовал, слишком не устраивал купца-умницу-мецената...

Об этом свидетельствует и финал – самоубийство в Каннах, в одном из красивейших мест мира, в роскошном отеле: словно ненависть к реальности уже зашкаливала.

Паскаль утверждал, что даже кончает с собой человек из стремления к счастью – не найденному на земле.

...Потомственный почётный гражданин, детство будущий Савва Тимофеевич провёл в особняке, в Трёхсвятительском переулке, и по окончании гимназии поступил на физико-математический факультет университета; в студенческие годы пишет значительную работу по химии, исследуя природу красителей, общается с Менделеевым.

Напор мысли присущ был Морозову; напор мысли – и энергетика необычайная: словно всё в жизни надлежит брать штурмом.

Он изучает химию в Кембридже, знакомится с организацией текстильного дела на английских фабриках.

Фабрики его в России гудели густо; работал он неистово и, оспаривая Декарта, утверждал: «Я работаю – значит, я существую...»

Мышление, процесс достаточно замкнутый в себе, сложно поддается определению, и Морозов, предпочтя поставить на его место работу, был в чём-то прав.

...Отец Саввы – Тимофей Саввич – получил в наследство «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К°» – мануфактурный комбинат, собранный по частям его дедом; и сам включился в работу активно, начиная с 40-х годов девятнадцатого столетия.

Он был религиозен: и некая истовая аскеза сказывалась и в работе; моленные содержались и в конторе, и в московском и крымском особняках.

Неистовость служения чему?

Тут философский вопрос: в старообрядческом купечестве было что-то от напора кальвинизма: когда угодность и близость к Богу рассматривалась через объёмы богатства, которое нельзя было попусту растратить: острые и яркие, пёстрые удовольствия исключались...

Управление Никольской мануфактурой – фактически текстильным комбинатом – отец, чьё здоровье подорвала морозовская стачка, передаёт Савве.

Тот работал неистово, украшал повседневность фабрик нововведениями, оказывал большую помощь Московскому художественному театру, дружил с Горьким, был близко знаком с Красиным, держал лучших рысаков, выигрывавших все бега, жил по-царски...

Он работал неистово – как молятся старообрядцы, сжигая себя пламенем веры, взмывающим вверх, пока земное должно делаться своим чередом.

Не думается, что Савва Морозов был слишком религиозен: нечто, введённое в сознание от поколений старообрядцев, стоявших за ним, конечно, прорисовывалось и в его образе...

Он расширял... как сейчас бы сказали – бизнес; ему принадлежали хлопковые поля в Туркестане.

Он ввёл оплату по беременности женщинам-работницам.

У него были стипендиаты в технических вузах страны, а некоторые – наиболее перспективные – обучались и за границей.

Купленный Морозовым в 1893 году у купца Аксакова дом на Спиридоновке был снесён, и по проекту одного из интереснейших архитекторов своего времени Шехтеля возведён на его месте роскошный особняк...

...Он и сейчас смотрится необыкновенно колоритно, своеобразно вписываясь в роскошные московские каменные дебри.

Морозова выдвигали на пост московского городского головы: но поставленное условие: принять православие – было для него неприемлемо.

Верность корням... она много о чём может свидетельствовать: о крепости натуры, например...

Жизнь Саввы Морозова сверкала – трудами, мелькавшими лентами лет, испещрёнными письменами; роскошью – какая, казалось, была ему и не слишком-то нужна...

Или?..

Вопрос остаётся без ответа – большие деньги подразумевают некоторые излишества, мягко говоря.

Но в образе Саввы Морозова концентрировалась русская мощь – нечто бурлацкое, коренное было и в физической оснастке его: сколько можно судить по фотографиям и портретам.

Чрезвычайный сгусток энергии – иначе не определишь его; и – словно символ купечества, умного, просвещённого – таковым видится легендарный Савва Морозов спустя 160 лет после своего рождения...

...Смерть пишет последнюю страницу – не считая бессмертия: которое открывается людям незаурядным, таким, как Морозов; но обстоятельства смерти его загадали ряд загадок...

Очевидно, определённая религиозность была присуща ему: с точки зрения старообрядчества (как и любой ветви христианства) самоубийство является тягчайшим грехом; и как-то мало вяжется образ неустанного, жизнелюбивого Саввы Морозова с человеком, стреляющим себе в сердце.

Официальной версией смерти был всё же признан суицид, но задолго до трагедии Морозов говорил Максиму Горькому (судя по его воспоминаниям), что в гибели его заинтересованы черносотенцы, неоднократно присылавшие письма с угрозами из-за участия фабриканта в революции.

Морозов был настолько популярен, что после смерти среди рабочих его фабрик пошла легенда: мол, фабрикант не помер, вместо него похоронили другого, а он тайно ходит по фабрикам своим, поучая рабочих уму-разуму...

Такой вариант святости: богатство осознаётся прахом, остаются опыт и мудрость.

Официальные российские власти проявили уважение и почтение к трагическому событию; генерал-губернатор Москвы ходатайствовал о выдаче удостоверения об отсутствии со стороны администрации препятствий преданию земле по христианскому обряду.

Он и был похоронен по старообрядческому обряду; речи не произносились, гроб с телом не вскрывался.

Жизнь дальше – в памяти и в архивах Клио – продолжилась; в частности, образ Морозова был убедительно представлен в нескольких киноплощадках: в фильме «Николай Бауман» фабриканта играл Ефим Копелян: внешне несколько похожий на своего героя.

Он играл размашисто и весомо, вместе – сдержано и трагично: сила дарования позволяла ему использовать разные краски, умело совмещая и комбинируя их.

Донатас Банионис воплотил Морозова в фильме «Красный дипломат. Страницы жизни Леонида Красина».

Его Морозов, разумеется, другой – хотя ничуть не менее убедительный.

И уже в двадцать первом веке были сняты документальные фильмы о ярчайшем представителе сильных характеров русского пантеона.

Александр Львович Балтин,
Москва

